

ОСНОВЫ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

ДОКЛАД НА ЮБИЛЕЙНОЙ БОГОСЛОВСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Много причин побуждает сегодня снова и снова говорить об основах духовной жизни. Одна из первых — это убеждение значительного числа верующих в том, что добрые дела, исполнение церковных обрядов и участие в литургической жизни является вполне достаточным условием нормальной духовной жизни. Упускается при этом самое важное — что «воздаяние бывает... не добродетели и не труду ради нее, но рождающемуся от них смирению. Если же оно будет утрачено, то первые будут напрасны» (Преподобный Исаак Сирий).

Другая причина — это распространенная, преимущественно в интеллигентских кругах, теософская идея равноценности духовного опыта православных, неправославных и даже нехристианских подвижников и аскетов. Но эта идея, по существу, отрицает безусловную значимость Жертвы Христовой в деле спасения и духовного совершенствования человека.

Целый ряд и других факторов обуславливает постановку вопроса о духовной жизни в качестве одного из самых насущных для Церкви. Из них, в первую очередь, следует назвать проблему духовничества. Верная мысль о необходимости для христианина иметь духовного руководителя подвергается в настоящее время большим искажениям на практике, приводя многих — как пастырей, так и пасомых, не имеющих должного знания святоотеческих указаний по данному вопросу — к тяжелым ошибкам и трагедиям не только в религиозной, но и в семейной, и в общественной жизни. Также одним из серьезных, болезненных фактов в области духовной жизни, обусловленным не в последнюю очередь ложным духовничеством, является развитие в церковной среде нетерпимости и фанатизма.

Эти, как и многие другие ненормальные явления, имеют, без сомнения, своим источником прежде всего незнание учения Священного Предания Православной Церкви об основах духовной жизни.

ЦЕЛЬ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

Хотя единый Триипостасный Бог есть Дух, Его третья Ипостась тоже именуется Духом Святым, тем самым свидетельствуя человеческому сознанию об особенных Ее свойствах по сравнению с другими Ипостасями. Человек, будучи образом Божиим, отражает в себе эту тайну Бога. Он в своем единстве также имеет три «ипостаси»: ум, слово (мысль) и дух, и каждая из них обладает своими особенностями. Святые отцы духом называют нравственную силу человека, содержание которой обуславливается умом, и, прежде всего, пониманием конечной, высшей цели жизни. Этой целью может быть Бог и вечная жизнь в Нем; но может — богатство, власть, слава; могут — различные наслаждения и интересы: телесные (сравните: *Их бог — чрево* Фил. 3,19), эстетические (например, музыка или живопись), интеллектуальные (например, философия или наука). Однако каков бог у человека, такова и его духовность.

Православное осмысление духовности исходит прежде всего из факта святой Пятидесятницы. «Стяжание» христианином Духа Святого, или обожение, и составляет цель духовной жизни. Эта цель достигается только при правильной (праведной) жизни. Поэтому необходимо знание ее основных законов.

В связи с этим возникает задача исключительной важности: найти наиболее существенные признаки и свойства истинной духовности, ее критерии, которые позволили бы отличить истинную духовность от всевозможных видов лжедуховности, мистицизма, прелести. При разрешении этой задачи первым возникает вопрос:

ЧТО ЗНАЧИТ ВЕРА ВО ХРИСТА?

Интересно и необычно пишет об этом святитель Игнатий (Брянчанинов): «Не сознающий своей греховности, своего падения, своей гибели не может принять Христа, не может уверовать во Христа, не может быть христианином. Зачем нужен Христос для того, кто сам и разумен, и добродетелен, кто удовлетворен собою, кто

признает себя достойным всех наград земных и небесных? Начало обращения ко Христу заключается в познании своей греховности, своего падения; от такого взгляда на себя человек признает нужду в Искупителе и приступает ко Христу посредством смирения, веры и покаяния¹.

Обращает на себя внимание формальное противоречие этих слов общепринятому богословскому тезису о вере как начальном условии принятия Христа. Святитель как бы подчеркивает: не в рассудочной вере в то, что Христос есть Бог и Спаситель, и что Он пришел, пострадал и воскрес, заключено «начало обращения ко Христу». Напротив, сама вера в Него рождается из познания «своей греховности, своего падения», ибо «не сознающий своей греховности... не может уверовать во Христа».

В этой мысли находим первое и основное положение духовной жизни, показывающее глубину православного ее понимания. Верующим, оказывается, может стать и является лишь тот человек, который видит свое духовное и нравственное несовершенство, свою греховность, страдает от нее и ищет исцеления. Только такой, смирившийся внутри себя человек способен к правильной, спасающей вере во Христа. Видящий же себя разумным и добродетельным не может быть христианином и не является им, хотя бы и считал себя таковым.

Не здоровые имеют нужду во враче, но больные, — говорит Господь (Мф. 9, 12). На путь исцеления и спасения становятся лишь те, которые увидят болезнь своей души, ее неисцельность собственными силами, и потому окажутся способными обратиться к пострадавшему за них истинному Врачу. Вне такого познания себя невозможна нормальная духовная жизнь.

Это ярко видно на примере земной жизни Спасителя, Который со слезами раскаяния был принят простыми, сознающими свои грехи евреями и с ненавистью отвергнут и осужден на страшную казнь «умной», «добродетельной», уважаемой иудейской элитой — архиереями, фарисеями (то есть ревностными исполнителями церковных обычаев и устава) и книжниками (богословами).

ПОЗНАНИЕ СЕБЯ

Каким же образом приобретает человеком это спасительное познание себя, своего *ветхого человека*, открывающее ему всю бесконечную значимость Жертвы Христовой? Ответ простой: «Я не вижу, — пишет святитель Игнатий, — греха моего, потому что еще работаю греху. Не может увидеть греха своего наслаждающийся грехом, дозволяющий себе вкушение его хотя бы одними помышлениями и сочувствием сердца. Тот только может увидеть грех свой, кто решительным произволением отрекся от всякой дружбы с грехом... в каком бы виде он ни приближался к нему. Кто совершит великое дело — устанет вражду с грехом, насильно отторгнув от него ум,

сердце и тело, тому дарует Бог великий дар: зрение греха своего»².

Одним из практических средств достижения этой цели является борьба с осуждением. «Кто отказался от осуждения ближних, помысл того, естественно, начинает видеть грехи и немощи свои, которых не видел в то время как занимался осуждением ближних»³. Основной же закон самопознания выражен в следующих замечательных словах преподобного Симеона Нового Богослова: «Тщательное исполнение заповедей Христовых научает человека его немощи». То есть познание гибельности своего духовного состояния открывается человеку только при усилении исполнить все заповеди Евангелия. Лишь напряжение стать истинным христианином показывает человеку, насколько он действительно и нищ, и наг, и убог, насколько жизненно необходим для него Христос.

Отсюда становится понятным, что вопрос о том, как приобретает видение греха своего, или познание себя, своего ветхого человека, является центральным в духовной жизни. Только видящий себя погибающим нуждается в Спасителе; *здоровому* (Мф. 9, 12) Христос не нужен. Поэтому для хотящего верить во Христа православно (ведь и *бесы веруют, и трепещут* — Иак. 2, 19), для жаждущего правильной духовной жизни это видение является основной задачей подвига и, одновременно, главным критерием его истинности.

ВЕРА И ДОБРЫЕ ДЕЛА

В связи с этим очень важно заметить, что подвиг и любые добродетели, не приводящие к такому результату, оказываются лжеподвигом, и жизнь обесмысливается. Апостол Павел пишет об этом, обращаясь к Тимофею: *Если же кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться* (2 Тим. 2, 5). Преподобный Исаак Сирий высказывается еще более определенно: «Воздаяние бывает... не добродетели и не труду ради нее, но рождающемуся от них смирению. Если же оно будет утрачено, то первые будут напрасны»⁴.

Оказывается, добродетели и подвиги не сами по себе могут принести человеку благо Царствия Божия, которое *внутри вас есть* (Лк. 17, 21), но *только* рождающееся *от них* смирение. Если же смирение не приобретается — бесплодны и бессмысленны все подвиги, все добродетели! Так выясняется одна из сложных богословских проблем — о соотношении веры и так называемых «добрых дел» в вопросе спасения. Дела сами по себе не спасают человека, они не являются какими-то заслугами. Их необходимость вызвана совсем другой причиной. Без них очень трудно приобрести то, чем единственно спасается человек — смирению. Ибо только через всемерное понуждение себя к исполнению всех заповедей Евангелия можно увидеть и глубокую поврежденность человеческой природы, и свое бессилие самому, без по-

² Там же. Т. 2. С. 122.

³ Там же. Т. 5. С. 351.

⁴ *Сергий (Страгородский), еп.* Православное учение о спасении. СПб., 1903. С. 246.

¹ *Святитель Игнатий (Брянчанинов).* Творения. СПб., 1905. Т. 4. С. 378, 227.

моши Божией чисто исполнить хотя бы одну заповедь Христову, совершить хотя бы одно доброе дело. Потому святые «омывали свои добродетели, как бы грехи, потоками слез»¹.

Святитель Игнатий пишет: «Несчастлив тот, кто удовлетворен собственною человеческою правдою: ему не нужен Христос. Таково свойство всех телесных подвигов и добрых видимых дел. Если мы, совершая их, думаем приносить Богу жертву, а не уплачивать наш необъятный долг, то добрые дела и подвиги соделываются в нас родителями душепагубной гордости»².

Он даже так говорит: «Делатель правды человеческой исполнен самомнения, высокоумия, самообольщения... ненавистью и мщением платит тем, которые осмелились бы отворить уста для самого основательного и благонамеренного противоречия его правде; признает себя достойным и предостойным наград земных и небесных»³.

Эта святоотеческая мысль прямо опровергает широко распространенное убеждение, что так называемые «добрые дела» всегда являются добрыми, независимо от того, по каким внутренним побуждениям и с какой целью совершает их человек. Оказывается, это глубоко неверно. Правда и добродетели *ветхого* и *нового* человека не дополняют друг друга, а *исключают*, ибо первые ослепляют человека своей значимостью, превозносят его и делают великим в своих глазах и тем «отнимают» у него Христа; вторые, напротив, открывают человеку его действительное духовное, а часто и нравственное убожество, бессилие победить себя и приводят ко Христу.

ПРЕЖДЕВРЕМЕННЫЕ ДОБРОДЕТЕЛИ

Обратимся еще к одному закону духовной жизни, который говорит о «сродстве между собой как добродетелей, так и пороков». Этот закон заключается в том, что, оказывается, как приобретение добродетелей, так и взаимодействие страстей между собой подчинены строгой последовательности и взаимообусловленности. «По причине этого сродства, — пишет святитель Игнатий, — стяжание одной добродетели вводит в душу другую добродетель, сродную и неразлучную с первой. Напротив того, произвольное подчинение одному греховному помыслу влечет невольное подчинение другому; стяжание одной греховной страсти влечет в душу другую страсть, ей сродную; произвольное совершение одного греха влечет к невольному впадению в другой грех, рождаемый первым. Злоба, сказали отцы, не терпит пребывать бессупружною в сердце»⁴. Незнание этого закона может привести к серьезным последствиям в духовной жизни. Так, небрежное отношение к «мелким» грехам, произвольное, то есть без насилия страсти, совершение их по-

рабощает волю человека, делает его рабом своих низменных влечений и, в конечном счете, приводит к грехам тяжким, ведущим к скорбям и трагедиям в жизни.

Насколько серьезен и значим этот закон, свидетельствуют следующие слова опытного наставника в духовной жизни святого Исаака Сирина: «Премудрый Господь благоволил, чтобы мы снедали в поте лица хлеб духовный. Установил Он это не от злобы, но чтобы не произошло несварения, и мы не умерли. Каждая добродетель есть мать следующей за ней. Если оставишь мать, рождающую добродетели, и устремись к взысканию дочерей, прежде стяжания матери, то добродетели эти становятся ехиднами для души. Если не отвергнешь их от себя, скоро умрешь»⁵.

Удивительные слова. Для духовно неопытного сама мысль о том, что какая-то добродетель может оказаться преждевременной, тем более, смертельной для души, «ехидной», покажется странной, чуть ли не кощунственной. Но именно такова реальность духовной жизни, таков один из ее незыблемых законов, открытый великим опытом святых.

Осипов А.И. Профессор МДА

¹ Святитель Игнатий (Брянчанинов). Творения. Т. 2. С. 403.

² Там же. Т. 4. С. 24, 20.

³ Там же. Т. 5. С. 47.

⁴ Там же. Т. 5. С. 351.

⁵ Там же. Т. 2. С. 57–58.

Лестница преподобного Иоанна Лествичника. Первая пол. XVI в.

ПРАВИЛЬНАЯ МОЛИТВА

Важнейшим условием духовной жизни является молитва. Но и она без соблюдения определенных требований может оказаться бесплодной и даже стать средством глубочайшего падения христианина. Так, не принимается молитва того, кто не прощает других. Не менее важное условие: «Кто молится устами, а о душе небрежит и сердца не хранит, такой человек молится воздуху, а не Богу, и всеу трудится, потому что Бог внимает уму и усердию, а не многоречию»¹.

Особое внимание в духовной жизни всегда уделяется молитве Иисусовой. О том, как правильно ее совершать (а не как-нибудь), пишет в своей замечательной статье «О молитве Иисусовой. Беседа старца с учеником» святитель Игнатий.

«В упражнении молитвой Иисусовой есть свое начало, своя постепенность, свой конец бесконечный. Необходимо начинать упражнение с начала, а не с середины и не с конца... Начинают с середины те новоначальные,

которые, прочитав наставление... данное отцами-безмолвниками... необдуманно принимают это наставление в руководство своей деятельности. Начинают с середины те, которые без всякого предварительного приготовления усиливаются взойти умом в сердечный храм и оттуда воссылать молитву. С конца начинают те, которые ищут немедленно раскрыть в себе благодатную сладость молитвы и прочие благодатные действия ее.

Должно начинать с начала, то есть совершать молитву *со вниманием и благоговением*, с целью *покаяния*, заботясь единственно о том, чтобы эти три качества постоянно соприисутствовали молитве... Особенное попечение, попечение самое тщательное должно быть принято о благоустройении нравственности согласно учению Евангелия... Единственно на нравственности, приведенной в благоустройство евангельскими заповедями... может быть воздвигнут... невещественный храм богоугодной молитвы. Тщетен труд зиждущего на песке: на нравственности легкой, колеблющейся»².

Душою же молитвы Иисусовой является то состояние, которое хорошо видно из следующего случая. «Некоторый инок сказал преподобному Сисою Великому: «Я нахожусь в непрестанном памятовании Бога». Преподобный Сисой отвечал ему: «Это не велико; велико будет то, когда ты сочтешь себя хуже всей твари»»³.

В связи с этим следует отметить, что «признак непрестанности и самодейственности в совершении Иисусовой молитвы отнюдь не является признаком ее благодатности, потому что не гарантирует... тех плодов, которые всегда указывали на ее благодатность». «Духовная борьба, результатом и целью которой является приобретение *смирения*... подменяется у некоторых иной (промежуточной) целью: приобретением непрестанной и самодвижной Иисусовой молитвы, которая... не является конечной целью, а лишь одним из средств ее достижения»³.

ПРЕЛЕСТЬ

Необходимо указать и на опасность, грозящую неопытному подвижнику, не имеющему ни истинного наставника, ни правильных теоретических духовных знаний — на возможность впадения в так называемую «прелесть». Этот святоотеческий термин замечателен тем, что точно вскрывает само существо названной духовной болезни: лезть себе, самообман, мечтательность, мнение о своем достоинстве и совершенстве, гордость. Об основных причинах впадения в прелесть преподобный Григорий Синаит, например, пишет: «Прелесть, говорят, в двух видах является, или, лучше, находит... В виде мечтаний и воздействий, хотя в одной гордости имеет начало свое и причину... Первый образ прелести от мечтаний. Второй образ прелести... начало свое имеет... в сладострастии, рождающемся от естественного похотения».

Еще на одну очень распространенную причину прелести среди многих инок, ревностных христиан и свя-

¹ Святитель Игнатий (Брянчанинов). Творения. Т. 2. С. 266.

² Там же. Т. 2. С. 225–226.

³ Монах Меркурий. В горах Кавказа. М., 1996. С. 7–8.

щеннослужителей указывает святитель Игнатий: «Не без основания относят к состоянию самообольщения и прелести душевное настроение тех иноков, которые, отвергнув упражнение молитвою Иисусовою и вообще умное делание, удовлетворяются одним внешним молением... Они не могут избежать «мнения»... Устное и гласное моление тогда плодоносно, когда оно сопряжено со вниманием, что встречается очень редко, потому что вниманию научаемся преимущественно при упражнении молитвою Иисусовою»¹.

О том, как избежать этой пагубы, святитель Игнатий пишет следующее в своей статье «О прелести»: «Прелесть есть состояние всех человеков без исключения, произведенное падением праотцев наших. Все мы в прелести. Знание этого есть величайшее предохранение от прелести. Величайшая прелесть — признавать себя свободным от прелести. Все мы обмануты, все обольщены, все находимся в ложном состоянии, нуждаемся в освобождении истиною. Истина есть Господь наш Иисус Христос. Как гордость есть вообще причина прелести, так смирение... служит верным предостережением и предохранением от прелести... Да будет наша молитва проникнута чувством покаяния, да соединится она с плачем, и прелесть никогда не воздействует на нас»².

ДУХОВНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ

Оказаться в бедственном состоянии прелести может, к сожалению, любой верующий, каждый подвизающийся, если он живет лишь по своему разумению, без духовного наставника, без руководства святоотеческими писаниями.

Но если понимание написанного Отцами — задача уже не всегда простая, то многократно более трудным всегда являлось обретение истинного наставника. Поэтому мысли и советы святых по данному вопросу особенно важны для нашего времени.

Во-первых, Отцы говорят (1) о необходимости большой осторожности в выборе духовника и предупреждают об огромной опасности, связанной с ошибкой принять бездуховного «старца» за духовного руководителя; учат (2) о правильном отношении к нему, (3) верном понимании послушания и (4) непререкаемости разлучения с заблуждающимся, уводящим от жизни по Евангелию духовником; предупреждают, что в последние времена (5) не будет духоносных наставников, видящих души людей, и потому (6) призывают верующих изучать Священное Писание и творения Святых Отцов и руководствоваться ими с советом старшей, имеющей большой духовный опыт «преуспевшей братии».

Приведем мысли Святых Отцов по этим темам.

(1) Преподобный Кассиан Римлянин (V в.) говорит: «Полезно открывать свои помыслы Отцам, но не каким попало, а старцам духовным, имеющим рассуждение, старцам не по телесному возрасту и сединам. Многие,

увлекшись наружным видом старости и высказав свои помышления, вместо врачевства получили вред от неопытности слышащих»³.

(2) «Всякий духовный наставник должен приводить души к Нему (Христу), а не к себе... Наставник пусть, подобно великому и смиренному Крестителю, стоит в стороне, признает себя за ничто, радуется своему умалению пред учениками, которое служит признаком их духовного преуспеяния... Охранитесь от пристрастия к наставникам. Многие не остереглись и впали вместе с наставниками в сеть диаволу... Пристрастие делает любимого человека кумиром: от приносимых этому кумиру жертв с гневом отвращается Бог... И теряется напрасно жизнь, погибают добрые дела. И ты, наставник, охранись от начинания греховного! Не замени для души, к тебе прибежавшей, собою Бога. Последуй примеру святого Предтечи»⁴.

(3) «Те старцы, которые принимают на себя роль ... употребим это неприятное слово, принадлежащее языческому миру, чтобы точнее объяснить дело, которое в сущности не что иное, как душепагубное актерство и печальнейшая комедия, старцы, которые принимают на себя роль древних святых Старцев, не имея их духовных дарований, даведают, что самое их намерение, самые мысли и понятия их о великом иноческом делании — послушании, суть ложные, что самый их образ мыслей, их разум, их знание суть самообольщение и бесовская прелесть...»⁵ «Возрают: вера послушника может заменить недостаточество старца. Неправда: вера в истину спасает, вера в ложь и в бесовскую прелесть губит, по учению Апостола (2 Сол. 2, 10–12)»⁶.

(4) Преподобный Пимен Великий (V в.) повелел немедленно разлучаться со старцем, совместное жительство с которым оказывается «душевредным»⁷.

(5) Святой Григорий Синаит (XIV в.) «решился сказать, что в его время вовсе нет благодатных мужей, так сделались они редки... Тем более в наше время делателю молитвы необходимо наблюдать величайшую осторожность. Богодуховенных наставников нет у нас!»⁸

(6) «Преподобный Нил Сорский (XV в.) никогда не давал наставления или совета прямо из себя, но предлагал вопрошающим или учение Писания, или учение Отцов. Когда же... он не находил в памяти освященного мнения о каком-либо предмете, то оставлял ответ или исполнение до того времени, как находил наставление в Писании. Этот метод очевиден из сочинений священномученика Петра Дамаскина, преподобного Григория Синаита, святых Ксанфопулов и других Отцов, особливо позднейших. Его держались ... иеросхимонахи Оптиной пустыни Леонид и Макарий... Никогда не давали они советов из себя... Это давало советам их силу»⁹.

³ Там же. Т. 1. С. 491.

⁴ Там же. Т. 4. С. 519.

⁵ *Феофан (Говоров). святитель. О жительстве по совету.* — 5, 72.

⁶ Там же. С. 73.

⁷ Там же. С. 74.

⁸ Там же. Т. 1. С. 274.

⁹ Там же. С. 489.

¹ *Святитель Игнатий (Брянчанинов). Творения.* Т. 1. С. 257–258.

² Там же. Т. 1. С. 230, 228.

Так голос Священного Предания говорит об одном из болезненных вопросов современной церковной жизни.

КАТОЛИЦИЗМ

Особенно ярко обнаруживается действие прелести у католических аскетов, оторвавшихся от опыта духовной жизни древней Церкви. Святитель Игнатий, например, писал: «Большая часть подвижников Западной церкви, провозглашаемых ею за величайших святых, — по отпадении ее от Восточной Церкви и по отступлении Святого Духа от нее — молились и достигали видений, разумеется, ложных, упомянутым мною способом... В таком состоянии находился Игнатий Лойола, учредитель иезуитского ордена. У него воображение было так разгорячено и изощрено, что, как сам он утверждал, ему стоило только захотеть и употребить некое напряжение, как являлись перед его взорами, по его желанию, ад или рай... Известно, что истинным святым Божиим видения даруются единственно по благоволению Божию и действием Божиим, а не по воле человека и не по его собственному усилию, — даруются неожиданно, весьма редко... Усиленный подвиг находящихся в прелести обыкновенно стоит рядом с глубоким развратом. Разврат служит оценкою того пламени, которым разожжены прельщенные»¹.

При этом святитель указывает и на другие скрытые от внешнего взора причины прелестных состояний западных подвижников. Он пишет: «Кровь и нервы приводятся в движение многими страстями: и гневом, и сребролюбием, и сладостолбием, и тщеславием. Последние две чрезвычайно разгорячают кровь в подвижниках, незаконно подвизающихся, соделывают их исступленными фанатиками. Тщеславие стремится преждевременно к духовным состояниям, к которым человек еще не способен по нечистоте своей; за недостижением истины — сочиняет себе мечты. А сладострастие, присоединяя свое действие к действию тщеславия, производит в сердце обольстительные ложные утешения, наслаждения и упоения. Такое состояние есть состояние самообольщения. Все незаконно подвизающиеся находятся в этом состоянии. Оно развивается в них больше или меньше, смотря по тому, сколько они усиливают свои подвиги. Из этого состояния написано западными писателями множество книг»². Это особенно видно на примере таких великих католических святых как Катарина Сиенская, Тереза Авильская или блаженная Анжела.

Святитель Игнатий, изучавший католическую аскетическую литературу не по переводам, а в латинских подлинниках, указывает и конкретные временные координаты отступления новых католических аскетов от единого опыта святых единой Вселенской Церкви. Он пишет: «Преподобный Венедикт († 544 г.), святой папа Григорий Двоеслов († 604 г.) еще согласны с аскетическими наставниками Востока; но уже Бернард Клервосский

(XII в.) отличается от них резкою чертою; позднейшие уклонились еще более. Они тотчас влекутся и влекут читателей своих к высотам, недоступным для новоначального, заносятся и заносят. Разгоряченная... мечтательность заменяет у них все духовное, о котором они не имеют ни малейшего понятия. Эта мечтательность признана ими благодатию»³. Поэтому святитель Игнатий напоминает: «Все святые признавали себя недостойными Бога: этим они явили свое достоинство, состоящее в смирении. Все самообольщенные считали себя достойными Бога: этим явили объявшаю их души гордость и бесовскую прелесть. Иные из них приняли бесов, представших им в виде ангелов, и последовали им... Иные возбуждали свое воображение, разгорячали кровь, производили в себе движения нервные, принимали это за благодатное наслаждение и впали в самообольщение, совершенное омрачение, причислились по духу своему к духам отверженным»⁴.

ИСТИНА ОДНА

Прелесть, как видим, возникает у тех, кто живет не по святоотеческим началам, а по своим мыслям, желаниям и пониманию, и ищет у Бога не спасения от греха, а благодатных наслаждений, откровений, даров. Их обычно и «получает» в изобилии горе-подвижник в своем разгоряченном воображении и действием темных сил. Прелесть поэтому — не один из возможных и равноценных вариантов духовности, не особый путь к Богу, но тяжелая болезнь, не поняв которой и не оценив должным образом, христианин, особенно подвизающийся, разлагается изнутри.

Особенно часты прорывы к «высотам» у юных подвижников, не познавших еще своего *ветхого* человека, не освободившихся от страстей и уже ищущих состояний человека *нового*, совершенного. Недаром у отцов есть выражение: «Если увидишь юношу, по своей воле восходящего на небо, удержи его за ногу и сбрось оттуда: ибо это ему не полезно»⁵. Причина подобных ошибок все та же: незнание законов духовной жизни, незнание себя. Святой Исаак Сирий в связи с этим предупреждал: «Если некоторые из отцов написали о том, что есть чистота души, что есть здравие ее, что бесстрастие, что видение, то написали не с тем, чтобы мы искали их преждевременно и с ожиданием. Сказано в Писании: *Не придет Царствие Божие с соблюдением* (Лк. 17, 20). Те, в которых живет ожидание, стяжали гордыню и падение. Искание с ожиданием высоких Божиих даров отвергнуто Церковью Божией. Это — не признак любви к Богу; это — недуг души».

«Смирение, — сказал Варсонофий Великий, — делает человека селением Божиим»⁶. Оно предохраняет христианина от всех заблуждений, оно делает его и причастником Духа Святого.

³ Там же. С. 498.

⁴ Там же. Т. 2. С. 126.

⁵ Древний патерик. Гл. 10. С. 159.

⁶ Святитель Игнатий (Брянчанинов). Творения. Т. 1. С. 312.

¹ Святитель Феофан (Говоров). О жительстве по совету. Т. 1. С. 224.

² Там же. Т. 4. С. 499.